

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Мих. Ив. СЕМЕВСКАГО.

ИЗДАНИЕ ОСНОВАНО 1-го января 1870 г.

1890 г.

ЯНВАРЬ. — ФЕВРАЛЬ. — МАРГЪ.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1890.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1890.

СПЕРАНСКИЙ
ВАРАХНИН
МОРАВИНОВ
ВЫЛОНОВ
ЕРМОЛОВ
ТРИКОЛОВ
ПЛУШКИН

ШЛ
БОЛТИНЪ
ВИЗИНЪ

СМЕНИ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИНИСТРАЦІЯ ВЪ 1753 Г.

КЪ ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

Въ степи у киргизъ-кайсаковъ

мартъ—1774—июнь.

Сообщаемые ниже документы относятся ко времени пугачевского бунта (1774 годъ) и заключаютъ въ себѣ нѣкоторые данныя о сношеніяхъ киргизъ-кайсакаго Нурали-хана съ Пугачевымъ, объ участіи въ бунтѣ Пугачева киргизъ-кайсаковъ и дипломатическія сношенія астраханской провинціальной канцеляріи съ Нурали-ханомъ. Первый изъ трехъ отысканныхъ нами документовъ—письмо хана въ провинціальную канцелярію, второй—ранортъ переводчика Тонкачеева, велѣдствіе секретнаго ордера изъ канцеляріи, о сдѣланныхъ имъ развѣдкахъ у посланцевъ Нурали-хана объ отношеніяхъ хана и киргизъ-кайсаковъ къ Пугачеву и третій—подробный отчетъ посланника провинціальной канцеляріи Мирабабека Ваганова къ Нурали-хану о переговорахъ его съ ханомъ, его людьми и о своемъ путешествіи въ ханскій улусъ.

Документы эти еще не были въ печати, между тѣмъ для историка они имѣютъ несомнѣнный интересъ, особенно послѣдній изъ нихъ; да, по всей вѣроятности, имъ и не пришлось-бы увидать свѣтъ Божій, если-бы не одна простая случайность, какъ это часто бываетъ на Руси и съ болѣе важными документами. Ихъ ожидала скромная участь служить оберточной бумагой въ одной нижегородской мелочной лавочкѣ. Владѣлецъ ихъ, мелочной торговецъ, купившій у старьевщиковъ-татаръ связку старыхъ рукописей, въ числѣ которыхъ находились и эти документы, завертывалъ ими и разсылалъ по обывателямъ окранны города седелки и прочую снѣдь. Въ случайно привлеченномъ мое вниманіе на такой оберточномъ листкѣ, написанномъ своеобразнымъ стариннымъ почеркомъ, мнѣ бросились въ глаза годъ и имя Пугачева. Отыскавъ лавочку, я уже засталъ тамъ только одну небольшую тетрадь, заключающую сообщаемые ниже документы, которую поспѣшилъ выручить и принѣвъ представляю на страницахъ уважаемой «Русской Старины», какъ сохранившей для отечественной исторіи массу драгоценныхъ матеріаловъ для исторіи нашего отечества.

В. Сидячевскій.

I.

Переводъ съ татарскаго письма, писаннаго отъ киргизъ-кайсацкаго Нурали-хана на имя астраханской губернской канцеляріи, господъ губернаторскихъ товарищей—коллежскаго совѣтника Михаила Григорьевича и подполковника князя Николая Сергѣевича—въ нижеслѣдующей силѣ, полученнаго марта 12 дня 1774 года.

Напредъ сего съ присланнымъ отъ васъ ко мнѣ переводчикомъ Абдрешитомъ Алтышовымъ съ товарищи отпраздиль я къ вамъ письмо, на которое ссылаясь, нынѣ я обстоятельно писать не имѣю—коиимъ образомъ нашими киргизъ-кайсаками, по неразумѣнію ихъ, взяты російскіе люди въ плѣнъ, которые оставлены возвращеніемъ къ вамъ по нынѣшнему обстоятельству: какъ вамъ извѣстно, что около Оренбурга и Яика происходитъ отъ извѣстнаго самозванца великія замѣшательства и раззоренія, и въ ономъ письмѣ и въ наинервыхъ о истребленіи его изъяснялъ, однако отъ васъ отбѣту на оное не получилъ. А оной самозванецъ, съ малымъ числомъ людей, пріѣхавъ въ городъ Яикъ и всѣ яикскіе казаки съ нимъ сообщились, а тамошняго города комендантъ до пятисотъ человекъ (съ) солдатами, внутри города Яика выкопавъ ровъ, во аттакѣ находятся, но точію оной злодѣй (то есть самозванецъ) того коменданта взять не могъ, токмо находящіеся по рѣкѣ Яику, какъ состоящіе по форпостамъ, такъ и въ Гурьевомъ городѣ, казаки всѣ къ нему склонились, а своихъ начальниковъ побили; что видя я сіе обстоятельство, по всеусердному къ ея императорскому величеству, всемилостивѣйшей моей государынѣ, доброжелательству и по данной моей присягѣ, напротивъ онаго злодѣя для отраженія послалъ подъ предводительствомъ моихъ дѣтей, а именно: Ишима, Пиралія, Момедалія, Бекъ-Алія, съ нѣсколькимъ числомъ народа; куда пріѣхавъ оныя мои дѣти съ тѣмъ народомъ склонившихся къ нему, самозванцу, яикскихъ казаковъ и другихъ его изъ войска людей нѣсколько побивъ, да и нѣкоторыхъ захвати съ женами, и дѣтьми, и съ экипажемъ, получа себѣ въ добычу, привезли съ собою; самого-жъ того злодѣя пмать не могли. А по возвращеніи тѣхъ моихъ дѣтей и съ народомъ, не могши оной злодѣй болѣе находится въ Яикѣ, возвратился къ своему войску, которое состоитъ близъ Оренбурга. А оной злодѣй, какъ Оренбурга, такъ и яикскаго коменданта до нынѣ еще не взялъ. А о себѣ-жъ вамъ дружески объявляю, что я ея императорскому величеству, всемилостивѣйшей нашей государынѣ, по данной моей присягѣ, состоя въ ненарушимой твердости, и служить въ непоколебимой вѣрности

долженъ и нелицемѣрно ея императорскаго величества пріятелямъ пріятеленъ, а непріятелямъ непріятеленъ быть имѣю. Да при семъ вамъ объясняю, что на внутренней Яика рѣки сторонѣ, находящіеся при паствѣ скота наши кайсаки, имѣли малымъ числомъ разъѣздъ для осмотра слѣдовъ, которые, усмотрѣвъ вдали вашихъ людей, возвратились было попрежнему къ своему табуну, токмо ваши люди, погнавъ за ними въ погоню, захвати изъ нихъ двадцать четыре чело-вѣка кайсакъ, оставили у себя: того ради прошу васъ оныхъ моихъ людей, для меня простя и освободя, ко мнѣ отпустить и тѣмъ мнѣ незабвенное свое дружество оказать. И что въ бытность ихъ тамо, въ Астрахани, имѣющія до нашихъ кайсакъ дѣла, яко находящихся степнаго народа, ко окончанію привести весьма трудно—и сію мою просьбу во удовлетвореніе примите и чрезъ то окажите въ возвратѣ нашихъ кайсакъ незабвенную ко мнѣ дружбу; а потому и захваченныхъ съ вашей стороны російскихъ людей нашими кайсаками, по неразумію ихъ, возвратитъ къ вамъ весьма мнѣ способно будетъ; въ томъ васъ дружески и обнадеживаю. Въ прошедшую-жъ осень къ нашимъ табунамъ пріѣхавши вашихъ людей сорокъ шесть чело-вѣкъ, а для чего пріѣзжали хотя намъ было и неизвѣстно, однако и, для вашей ко мнѣ дружбы, со всѣми ихъ конми и оружіемъ отпустилъ обратно; также надѣюсь, что и вы помянутыхъ нашихъ людей тѣмъ же образомъ для меня ко мнѣ возвратите и меня незабвенною дру-бою обяжете, и чрезъ то предадите мнѣ помощь и имѣющееся съ киргизъ-кайсаками ваше дѣло привести ко окончанію.

А находящимся у васъ кайсакамъ имена значать тако: (перечисляются 25 именъ); а для взятія оныхъ посланцами отправилъ шесть чело-вѣкъ: Урмана, Бабаша, Яихъ-Бая, Кучукъ-Бая, Казыбека и Имана. Пропу васъ дружески съ сими моими посланцами вышепомянутыхъ захваченныхъ моихъ людей отпустить и тѣмъ меня дружес-твомъ обязать, не продолжая болѣе двадцати пяти дней, ко мнѣ доставить и тѣмъ какъ меня, такъ и моего подвластнаго народа удовольствуете и чрезъ то предъ нашимъ киргизъ-кайсацкимъ наро-домъ сдѣлаете меня похвальнымъ, а посему и приведенію окончаніемъ съ нашимъ народомъ вашихъ дѣлъ усилнѣйшимъ.

Впротчемъ остаюсь за доброжелательнымъ моимъ къ вамъ почте-ніемъ, наивсегда пребуду Нурали-ханъ киргизъ-кайсацкаго народа, а для вѣрности прилагаю именную свою печать. (У подлиннаго письма при окончаніи чернильная печать съ именемъ онаго киргизъ-кайсац-каго Нурали-хана.)

При томъ во ономъ же письмѣ написано тако: находящійся въ нашихъ юртахъ знатно именитой чело-вѣкъ Сырымъ-Батырь, который

• ея императорскому величеству, моей всемилостивѣйшей государынѣ, по моей волѣ во улусахъ будучи, готовымъ доносить мѣ засвидѣтельствовать вамъ, высокопочтеннымъ господамъ, нижайшее почтеніе.
Марта 4 дня 1774 года.

II.

Получивъ это письмо, губернская канцелярія секретнымъ ордеромъ предложила переводчику Тонкачеву «подъ приличнымъ и безпримѣтнымъ претекстомъ свести съ посланцами хана знакомство и между партикулярными разговорами, не подавая къ сумнительству ни малѣйшаго вида, постараться развѣдать» какъ думаютъ о злодѣѣ кайсаки и самъ ханъ и въ какихъ отношеніяхъ они къ нему находятся, о находящемся въ толпѣ Пугачева племянникѣ хана и числѣ людей, ушедшихъ съ нимъ къ самозванцу; о причинахъ, побудившихъ хана перейти съ своимъ народомъ на степную сторону Яика, и у кого въ рукахъ русскіе плѣнные, вятые киргизъ-кайсаками на Волгѣ.

Исполнивъ порученіе, Тонкачевъ доносить канцелярію:

Марта 23 дня 1774 г.

1. По показанію изъ помянутыхъ присланныхъ отъ киргизъ-кайсакаго Нурали-хана посланцевъ, старшаго, именемъ Урмана, подъ претекстомъ и приличнымъ разговоромъ о состояніи его хана объявилъ, что де онъ, ханъ, нынѣ послалъ во всѣ его подвластныя мѣста, чтобъ всакій былъ въ готовности со оружіемъ и собирались къ нему, хану, для того, яко-бы хочеть онъ, ханъ, сдѣлать, по всеусердному своему къ ея императорскому величеству доброжелательству и по данной своей присягѣ, для истребленія оказавшагося около Оренбурга самозванца нападеніе; да и сверхъ того,—что пресѣкъ онъ у нихъ оренбургскую дорогу, гдѣ они всегда имѣли съ тамошними оренбургскими обывателями коммерцію, да и въ кочевь ихъ чинить нѣкакое помѣшательство.

2. По показательству его-жъ, Урмана,—что де въ толпѣ помянутаго самозванца находится не Айчуваковъ сынъ, а двоюроднаго Нурали-хана брата Досали-Солтана сынъ; посланъ отъ отца своего, Досали-Солтана, во-первыхъ, по злобѣ ево на Нурали-хана въ томъ, что имѣеть онъ у себя во владѣніи малое число кайсакъ, а второе—обольстись, по лакомству своему, на ево, самозванца, обнадѣживание ханствомъ надъ кайсаками на Нурали-ханово мѣсто, по истребленіи ево и въ награжденіе деньгами, а болѣе для полученія себѣ добычи.

3. Имъ же, Урманомъ, показано: захваченные де ихъ кайсаками съ ватагъ и изъ протчихъ мѣстъ наши російскіе люди, болѣе ста человекъ, находятся у нихъ и о возвращеніи ихъ какое у него, хана, домогательство — о семъ велѣно ему, Урману, здѣшнему правительству словесно довести и скрытно отъ товарищей

своихъ, о чемъ они совѣмъ знать не могли, что-бъ захваченныхъ россійскими людьми кайсаковъ нынѣ имъ не отдавать, для того, что если они будутъ отданы, то уже де захваченныхъ кайсаками россійскихъ людей получить не могутъ, а только-бъ де хотя одного изъ нихъ имъ показать и допустить съ ними поговорить о томъ, что сколько изъ нихъ живъ и кто именно, почему-бы де они, пріѣхавъ туда, родственникамъ ихъ объявить могли, которые бы, неуспинное къ собранію тѣхъ россійскихъ людей приложя всевозможное свое стараніе, и немедленно доставить могутъ; а если показать будетъ за какою либо находящихся здѣсь кайсакъ отдаленностью невозможно, то-бъ по именамъ, какъ имъ, посланцамъ, словесно, такъ и хану, написавъ въ письмѣ, отъ здѣшняго правительства дать знать съ такимъ подтвержденіемъ: егда захваченные киргизъ-кайсаками въ плѣнъ россійскіе люди будутъ отосланы въ Астрахань или въ назначенное какое мѣсто, тогда де на размѣнъ оныхъ и киргизы, которые имѣются въ россійскихъ рукахъ, на то мѣсто привезя, и въ назначенный срокъ отданы быть имѣютъ. Напротивъ чего отъ меня имъ сказано, что ихъ плѣнныхъ кайсаковъ здѣсь нѣтъ, а гдѣ именно, того не знаю.

4. Сказано имъ же, Урманомъ, что де пріѣзжалъ къ Нурали-хану яицкой атаманъ съ двадцатью человѣками казаковъ, въ числѣ коихъ одинъ былъ невѣдомо какой человѣкъ, похожъ на бурлака, въ черномъ худомъ кафтанѣ, въ шляпѣ, въ лаптяхъ, лицомъ смугловатымъ, борода темно-русая, возраста средняго, для котораго (атамана) и съ людьми его отведены были отъ хана двѣ палатки и давалось для пищи каждый день по два барана и довольствовались кумысомъ. И въ бытіе ихъ тутъ (то) невѣдомо для какой причины того яицкаго атамана съ малымъ числомъ людьми Нурали-ханъ призывалъ въ себѣ въ кибитку, а прочіе, пріѣхавшіе съ нимъ люди, остались при тѣхъ палаткахъ. По выходѣ-жъ ихъ отъ хана, всѣ обще и возвратились. А послѣ-жъ того чрезъ малое время ѣздилъ онъ, Урманъ, для загону скота вечеромъ, то невѣдомо какіе два человѣка, одинъ въ буркѣ, борода черная, а другой видъ показующей молодымъ человѣкомъ, повстрѣчаясь съ нимъ, его, Урмана, спросили, гдѣ живетъ ихъ ханъ, которымъ онъ и указалъ, а при томъ ихъ спросилъ, что какіе вы люди и откуда пріѣхали, которые на вопросъ его объявили, что мы де отъ Петра Третьяго, то-есть самозванца, посланники, а ѣдемъ къ нему, хану; которые у него, хана, были и просили помощи, а при томъ изъ дѣтей его, Курали-хана, одного сына просили объ отпускѣ съ ними къ тому самозванцу ¹⁾, обнадеживая его, хана,

¹⁾ Въ «Исторіи пугачевского бунта» Пушкина на стр. 16 (2-е изд.) говорится, что Пугачевъ писалъ въ киргизъ-кайсацкому хану, именуя себя госу-

тѣмъ, что де къ нему, самозванцу, будетъ еще изъ Казани, изъ Самары и изъ протчихъ мѣстъ сила; а о немъ, самозванцѣ, сказали, что де онъ у васъ тамъ былъ, только де вы его не узнали. Но ханъ имъ сына и помощи не далъ и послалъ къ нему, самозванцу, съ ними своего муллу, то есть ихъ духовную особу, и велѣлъ ему о состояніи того самозванца развѣдать, который туда и ѣздилъ и чрезъ находящихся въ толпѣ его людей развѣдалъ, да и самъ онъ, самозванецъ о себѣ объявилъ, будто онъ Петръ Третій, «о чемъ скажи и хану, а естли-жъ онъ, ханъ, о семъ вѣрить не будетъ, то-бъ пріѣхалъ ко мнѣ самъ или прислалъ-бы сына и посмотрѣлъ, какъ я буду чинить на Яикъ нападеніе, и если де я Яикъ возьму, то допущу его, хана, съ его войсками для полученія добычи». И съ тѣмъ тотъ мулла отъ него и возвратился и, пріѣхавъ, хану все то сказалъ; почему уже онъ, ханъ, и полагалъ, что бывшій при вышепомянутомъ атаманѣ бурлакъ въ худой одеждѣ конечно былъ онъ, самозванецъ. И потомъ оной Нурали-ханъ, собравъ изъ своихъ людей нѣсколько войска, послалъ для точнаго развѣдыванія и смотрѣнія къ Яику: какимъ образомъ оной самозванецъ поступать будетъ. По пріѣздѣ-жъ ихъ туда, прислано имъ, кайсакамъ, было отъ яицкаго атамана двадцать барановъ. А сраженіе оной самозванецъ хотя съ яицкими жителями и чинилъ, только преодолѣть ихъ не могъ и поѣхалъ вверхъ по рѣкѣ Яику ко Оренбургу; что видя реченные посланные отъ Нурали-хана кайсаки и возвратились къ нему, хану, обратно. И въ то его слѣдованіе лежащія вверхъ по рѣкѣ Яику до Оренбурга форпосты всѣ раззорилъ, а людей склонилъ къ себѣ, а потомъ уже, подошедъ подъ Оренбургъ, и его атаковалъ, а въ близости того Оренбурга имѣющееся тамо мѣстечко, называемое Каргалы, взялъ, а потомъ и идущихъ къ Оренбургу въ помощь пятьсотъ человѣкъ башкирцевъ перехватя, взялъ-же къ себѣ; а Оренбурга взять не могъ, и потомъ паки возвратился къ городу Яику и его осадилъ, да и казаки яицкіе склонились къ нему и прочіе форпосты, лежащія внизъ по рѣкѣ Яику, до Гурьева городка, раззорилъ и къ себѣ склонилъ же; а находящійся въ Яицкомъ казачьемъ городкѣ комендантъ заперся съ пятьюстами человѣками въ каменныя полаты. Потомъ уже тотъ самозванецъ сдѣлалъ подъ него подкопъ, однако тѣмъ его подкопомъ прямо не трафилъ и порохъ истерялъ. И такъ, болѣе не имѣя у себя пороха, послалъ изъ своей партіи нѣсколько людей въ Гурьевъ городокъ для

даремъ Петромъ III и требуя отъ него сына въ заложники и 100 чел. вспомогательнаго войска.

В. С.

взятъ тамъ пороку и протчаго орудія и пакы хотѣлъ чинить на яицкаго коменданта нападеніе; а въ то самое время получилъ отъ своего лагиря извѣстіе, которой стоялъ близъ Оренбурга, что тотъ его лагирь нѣкоторыми російскими войсками разбитъ; въ коимъ лагирѣ находилось изъ его-жъ партій до восьмисотъ человѣкъ. Съ тѣмъ и возвратился ко Оренбургу, и, между тѣмъ, получилъ извѣстіе, что въ Гурьевѣ посланная отъ него партія имѣющихся въ ономъ начальниковъ и протчихъ, желательныхъ къ російской сторонѣ, побивъ до смерти, по приказу его, опредѣлили свой присмотръ.

5. О переходѣ-жъ ихъ черезъ Яикъ имъ же, Урманомъ, сказано, что сіе учинено по случаю наступившаго въ тамошнемъ мѣстѣ предъ симъ теплаго воздуха открытія рѣки Яика, въ разсужденіи такомъ, что если сей удобный случай пропустить, то впредь имъ и переправа невозможна будетъ, а при томъ какъ они нынѣшнею осенью кочевку шѣли сверху внизъ по той рѣкѣ Яику, по сю сторону, то уже подыматься имъ по сей же сторонѣ вверхъ весьма будетъ трудно, потому что они въ тѣхъ мѣстахъ скотомъ кормъ потравили; да сверхъ того по опасности отъ упоминаемаго самозванца, ибо изъ его партій не въ давномъ времени до тысячи человѣкъ на состоящіе вверхъ по рѣкѣ Яику киргизъ-кайсацкіе аулы внезапнымъ образомъ чинено нападеніе.

Да сверхъ сего имъ же, Урманомъ, показано, что пріѣхавшаго съ нимъ въ посланствѣ, именуемаго Бабаса, въ захваченныхъ здѣсь російскими людьми киргизцахъ имѣются родные его три брата, а о именахъ ихъ яко-бы не знаетъ; а у него, Бабаса, въ рукахъ состоятъ російскихъ плѣнныхъ мужескаго полу шесть человѣкъ, а женскаго одинъ. Да еще объявилъ о раззореніи ими, киргизъ-кайсаками, форпостовъ внизъ по рѣкѣ Яику, къ Гурьеву городку; то де оное учинено ими съ повелѣніи какъ оренбургскаго господина губернатора, по присланному съ нарочнымъ толмачемъ Ягафаромъ письму, такъ и отъ яицкаго коменданта съ таковымъ же нарочнымъ толмачемъ, для того, что тѣ изъ тамошнихъ городковъ казаки склонялись къ нему, самозванцу.

О чемъ астраханской губернской канцеляріи симъ покорнѣйше и рапорту. Переводчикъ Муса-Мурза Тонкачевъ.

Сообщ. В. Снѣжневой.

[Окончаніе слѣдуетъ]

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Мих. Ив. СЕМЕВСКАГО.

ИЗДАНИЕ ОСНОВАНО 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 г.

1890 г.

АПРѢЛЬ. — МАЙ. — ІЮНЬ.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1890.

КЪ ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

Въ степи у киргизъ-кайсаковъ

МАРТЪ—1774—ЮНЬ.

III ¹⁾.

Въ тетради, изъ которой мы напечатали документы въ «Русской Старинѣ» изд. 1890 г., т. LXV, мартъ, стр. 790—796, нѣсколько листовъ чистыхъ, три слѣдующихъ за ними листа вырваны, а на четвертомъ уже идетъ наложеніе отчета майора Мирзабека Ваганова о его миссіи къ Нурали-хану, къ которому онъ, съ нѣсколькими товарищами, былъ посланъ отъ астраханской губернской канцеляріи съ тою же дипломатическою цѣлью, какую исполнилъ въ Астрахани секретно Тонкачевъ.

Отчетъ этотъ начинается описаніемъ пути Ваганова отъ Калмыковского форпоста на Яикъ.

В. С.

По прибытіи въ Калмыковскій форпостъ, взявъ тутъ послѣднихъ четырнадцать же человѣкъ, черезъ рѣку Яикъ переправился и побѣжалъ съ тою командою къ Нурали-хану и ѣхалъ до кочевья его, Нурали ханова, по отпращиваніи съ Калмыковского форпоста, пять дней и еще не доѣхавъ до него, ночевалъ у ближняго его мурзы, именемъ Кабула, гдѣ и увѣдомился онъ отъ киргизцы Кердаринскаго рода, именемъ Четана, о взятыхъ нашихъ съ Волги въ плѣнъ російскихъ людяхъ, которые де находятся у ближнихъ его, хана, подвластныхъ людяхъ, а именно Кердаринцевъ, Бабябктинцевъ и Вершевцевъ и никуда де еще не проданы, а хотя де и проданы, — развѣ въ Хиву малое дѣло.

А на другой день тотъ ближній его мурза Кабулъ побѣжалъ къ хану и о пріѣздѣ его сказалъ, что де пріѣхалъ изъ Астрахани посланникъ, майоръ,

¹⁾ См. въ «Русской Старинѣ» изд. 1890 г., т. LXV, февраль, стр. 790—796.

обще съ нашими посланцами; съ чѣмъ его ханъ возвратилъ къ нему, маіору, который по прибытіи сказалъ ему, что онъ у хана былъ и объ немъ, маіорѣ, ему, хану, объявилъ, который приказалъ, чтобъ ѣхалъ я къ нему, хану, съ письмами только одинъ, а команда-бъ моя совсѣмъ осталась у него въ аулѣ, ибо де я, маіоръ, отдавъ хану письма, самъ отъ него скоро возвращусь и буду находиться до отправления у него, Кабула, въ аулѣ; на что я ему объявилъ, что мнѣ въ такомъ дальнемъ разстояніи отъ хана жить невозможно, ибо я отправленъ къ нему, хану, съ высочайшею ея императорскаго величества грамотою и съ разными, какъ отъ господина астраханскаго губернатора, такъ и товарищей его, письмами; да при отданіи оныхъ еще что надлежитъ и словесно мнѣ приказано съ нимъ, ханомъ, переговорить и напротивъ того взять отъ него отвѣтъ; да и самому мнѣ при немъ всегда быть лутче. На что сказалъ мурза: «очень хорошо», и тутъ обще со мною поѣхалъ къ хану; и пріѣхали мы въ аулъ около десятого часу, пріѣхавъ прямо въ отведенную намъ отъ него, хана, полатку, которая стояла неподалеку отъ ханской кибитки. И тутъ пріѣхавшій съ нами мурза, побывъ малое время, поѣхалъ къ хану; а потомъ, послѣ обѣда, часу въ шестомъ, пришелъ отъ него, хана, его Диванъ съ тѣмъ мурзою Кабуломъ и велѣлъ намъ, по приказанію ханскому, идти къ нему; съ чѣмъ я обще съ нимъ, Диваномъ, и пошелъ и по пришествіи учтивымъ и искуснымъ образомъ высочайшую ея императорскаго величества грамоту, и отъ господина губернатора, и отъ господъ товарищей его письма ему, хану, отдалъ, которые онъ взявъ, приказалъ мнѣ неподалеку отъ себя сѣсть; гдѣ были у него дѣти его родныя Ишимъ и Перали Салтаны и при томъ меня во первыхъ спросилъ, что здоровы ли господинъ губернаторъ и господа товарищи его, на что я ему объявилъ, что все благополучны и приказали мнѣ засвидѣтельствовать вашему высокопочтенству свои почтеніи. Сказалъ ханъ: «очень хорошо», и потомъ, мало помолча, приказалъ мнѣ идти во отведенную полатку, а онъ де прочтетъ присланную отъ ея императорскаго величества грамоту и отъ гг. губернатора и товарищей его письма, а потомъ, призвавъ меня къ себѣ, и что надлежитъ переговора, съ чѣмъ я отъ него, хана, и вышелъ во отведенную полатку, а потомъ уже, подъ вечеръ, пришелъ ко мнѣ отъ него, хана, мурза, именемъ Кабулъ, котораго я спросилъ, что читалъ ли ханъ грамоту и письма и велѣтъ ли мнѣ отправить излишнихъ казаковъ назадъ, а самому остаться до времени при немъ, на что мнѣ тотъ мурза объявилъ, что де ханъ грамоту и письма прочелъ и приказалъ писать на оныя отвѣтныя письма и ушовасть, (что) и меня, маіора, со всею командою дни черезъ четыре отправить назадъ; что слыша я принужденнымъ нашелся ему, мурзѣ, объявить, что такъ скоро ханъ приказалъ писать отвѣтныя письма, ибо я, маіоръ, имѣю нужду съ нимъ, ханомъ, о собственной его пользѣ переговорить, и потомъ тотъ мурза, посидя мало, отъ меня возвратился къ хану.

А на другой день прибытія моего былъ у него, хана, братъ его родной Акчувакъ-Солтанъ съ нѣкоторыми при немъ старшинами; однако-жъ ханъ въ бытность ихъ у него меня не призывалъ и что у нихъ между собою происходило—не знаю; а по выходѣ-жъ ихъ онъ, ханъ, часу въ пять, прислалъ ко мнѣ своего муллу, именемъ Дивана, и велѣлъ мнѣ одному идти съ собою къ хану, на что я ему сказалъ, что невозможно-ль мнѣ взять съ собою и сего толмача, ибо онъ посланъ со мною обще; о чемъ онъ, Диванъ, пошелъ хану доложить и въ скоромъ времени возвратясь, велѣлъ идти обще и съ нимъ. И по пришествіи къ хану, отдали учтивымъ образомъ почтеніе; а потомъ онъ, ханъ, писарю своему Аббасу приказалъ выйти вонъ, а намъ сѣсть и потомъ объявилъ, что онъ присланную отъ ея императорскаго величества грамоту и отъ господина губернатора и товарищей его письма прочелъ и весьма повелѣніемъ ея императорскаго величества доволенъ въ томъ, что научилъ и повелѣлъ отъ другихъ (?) поступковъ предъ удержаться; однако-жъ де степной и легкомысленной ихъ народъ того не знаетъ. На что я ему объявилъ, что нѣтъ его высокопочтенству въ пользу нѣчто доложить. Ханъ сказалъ: «очень хорошо». И тутъ во первыхъ я ему объявилъ о переходѣ его черезъ рѣку Яикъ со степной на внутреннюю сторону, ибо онъ, ханъ, нѣтъ издавна отъ Россійской имперіи повелѣніе, что-бъ чрезъ рѣку Яикъ не переходить, а всецѣнно оставаться на той сторонѣ рѣки Яика и то со всякою тишиною, а нынѣ для чего онъ, ханъ, перешелъ и съ чьего точно повелѣнія? На что ханъ во отвѣтъ ничего не сказалъ. Потомъ еще я ему объявилъ, что хотя-бъ черезъ рѣку Яикъ и передти, только надлежало-бъ сидѣть тихо и смирно, а не такъ, что-бъ грабить ватаги и раззорять форпосты, жечь припасы и брать русскіихъ людей въ плѣнъ и скотъ, зачиная отъ самаго Оренбурга по рѣкѣ Яику до Гурьева городка, а отъ Гурьева—зачиная по Волгѣ рѣкѣ и до Дубовки. На что онъ, ханъ, ему объявилъ, что де сіе произошло отъ замышательства между Россією съ Пугачевымъ, а народъ ихъ степной и легкомысленной на то пустились. На что я ему соотвѣтствовалъ: но правда, ибо онъ, злодѣй Пугачевъ, супротивникъ былъ Богу и всемилостивѣйшей нашей государыни, потому онъ такъ и поступалъ, а народу бы вашему, по данной ея императорскому величеству присягѣ, въ согласность тому злодѣю Пугачеву поступать не надлежало. И намъ ханъ объявилъ, что онъ съ нимъ, Пугачевымъ, никакого согласія не имѣетъ, да и сожалѣетъ еще о томъ, что посылалъ онъ, ханъ, въ Большой Яицкой городокъ сына своего роднаго большаго Перали-Солтана съ тысячею человѣками въ помощь тамошнему коменданту, а болѣе для истребленія находящагося у злодѣя въ толпѣ брата своего Досали-Солтана сына (его) и просилъ тамошняго коменданта, чтобъ до того допустилъ, да и злодѣй Пугачевъ въ то время былъ безсильнъ и можно-бъ было мнѣ его преодолѣть; на что онъ, г. комендантъ,

миѣ объявилъ, что де онъ на то повелѣнія не имѣеть ¹⁾; а послѣ жъ того къ нему, Пугачеву, изъ лежащихъ по Янку рѣкѣ до Гурьева городка форпостовъ казаки всѣ склонились, а потомъ уже присланы были ко миѣ какъ отъ него, коменданта, такъ и отъ оренбургскаго г. губернатора, письма, чтобъ тѣ форпосты, на которыхъ люди пришли въ согласіе къ Пугачеву, раззорять, почему я, ханъ, такъ и поступалъ. На сіе я ему, хану, сказалъ: это де правда, что онъ, ханъ, тѣ форпосты раззорялъ, потому что съ нихъ люди склонились къ Пугачеву и сверхъ того имѣлъ онъ на то повелѣніе, а лежація по Волгѣ рѣкѣ ватаги и съ нихъ людей въ плѣнъ брали и припасы жгли съ его повелѣнія, ибо они Пугачеву не согласны? На что взговорилъ ханъ, что де «это правда, по Волгѣ раззорали киргизцы безвинно и меня не послушали; а былъ тутъ предводитель Бержева рода Кара-Батыръ и, который еще зимою, какъ былъ на разбоѣ въ Астрахани и оттуда возвращаясь, откочевалъ подъ Мангашлакъ, въ называемое тамо мѣстечко Айрасмы». Противъ чего я ему, хану, говорилъ: какъ же захваченные имъ въ Астраханѣ киргизцы по допросамъ хотя на него, Батыра, что онъ для воровства по рѣкѣ Волгѣ ѣздилъ, и показали, однако-жъ еще нигдѣ онъ ватагъ не разбивалъ, да и людей въ плѣнъ брать было негдѣ, ибо онъ встрѣченъ былъ на дорогѣ российскими войсками и разбитъ, гдѣ нѣсколько изъ нихъ побито, а шестидцать человѣкъ взято въ плѣнъ и тѣмъ онъ посрамленъ, возвратился. А въ плѣну наши российскіе люди у ближнихъ его, хана, людей, а именно большая часть у Байбактинскаго рода Айдара Кризова, Эсенбаева, а протчіе у Кердаринскаго Аланбатыра, да у Бержева рода Курбанъ-Бая. И на то ханъ миѣ объявилъ: «хотя, правда, у нѣкоторыхъ изъ сихъ трехъ родовъ наши российскіе люди и есть, только ихъ теперь сыскать неможно, ибо они кочуютъ отъ меня въ дальнемъ разстояніи, на степѣ, да и народъ дикой и легкомысленной, какъ Сайгаки, да сверхъ же сего много дураковъ». Что слыша я пакъ ему, хану, предложилъ: «для дураковъ опредѣлялъ Богъ на земли царя у протчихъ наибольшихъ, чтобъ дураковъ за ихъ продерзости наказывать, дабы они отъ дурачества были воздержны, также и онъ, ханъ, надъ своимъ народомъ—властителемъ; да сверхъ же сего подпоясываетъ онъ, ханъ, саблю не напрасно, а по повелѣнію Божию и если уже онъ тотъ свой народъ наказаніемъ или увѣщаніемъ тѣхъ дураковъ отъ ихъ дурачества не предупредитъ, то сіе будетъ въ противность обоихъ законовъ, ибо онъ довольно знать можетъ, что когда пастухъ имѣеть у себя сто барановъ и одного изъ нихъ потеряетъ, то онъ долженъ, оставя 99 на степѣ, (и) искать пропалаго, а

¹⁾ На предложеніе ханомъ своихъ услугъ, говорится въ «Исторіи Пугачевскаго бунта» Пушкина (изд. 2-е, стр. 16), что его благодарили и отивчали, что надѣются управиться съ матежникомъ безъ его помощи. Искренности его намѣреній не вѣрили.

когда найдетъ отъ того паства во отдаленности, то долженъ хотя на себѣ до того донести и при томъ объявить своимъ пріятелямъ, что пропаю его баранъ нашелся. Не въ примѣръ сему всемилостивѣйшая наша государыня подданныхъ своихъ за доброусердіе награждая и зловредныя наказуешь. И такъ-бы разсудилъ онъ, ханъ, что російскихъ людей, кромѣ что взятыхъ по рѣкѣ Яику, только съ Волги 256 человѣкамъ не будетъ возвращенія, а своихъ шестнадцать человѣкъ требуетъ». И на то ханъ сказалъ, что изъ города Балха, Дашкента, Бухари и изъ Хивы, изъ Большаго Передняго Юза и изъ прочихъ мѣстъ все ему, хану, пріятеля и онъ не знаетъ, что мы думаемъ, ибо ему, хану, противъ нашихъ Нагайцевъ ни къ кому нельзя влестъ въ пазуху. На что я ему соотвѣтствовалъ: «сего вамъ никто не повелѣваетъ, чтобы къ кому-нибудь влестъ въ пазуху, да и самимъ вамъ извѣстно, что наша Всемилогивѣйшая Государыня уже нѣсколько лѣтъ производить съ Туркомъ баталію, однакожъ отъ васъ никакой помощи на то и ничего не требуетъ, а кромѣ того, что всѣхъ васъ награждаетъ; а что-жъ вы объявили о вышеписанныхъ мѣстахъ: Балхѣ, Дашкентѣ, Хивѣ и о прочихъ, что они съ вами въ дружбѣ, то о семъ и Россійской Имперіи довольно извѣстно, что не только въ дружбѣ, но еще доводятся вамъ и въ родствѣ; однако-жъ каждый по раздѣленію сидитъ на своемъ мѣстѣ и никому всякъ своего мѣста не отдаетъ; такъ и вамъ досталась здѣшняя Яицкая степь и вы въ ней властны и никто васъ съ нее согнать не можетъ—куда хотите, туда и кочуете; такъ я думаю, что и вы никого уже другаго на нее не пустите. Такъ по сему видится, что если вы, оставя данное вамъ издревле мѣсто, куда идти можете и гдѣ съ такимъ немалымъ народомъ выѣститься? Никто, я думаю, вамъ своего мѣста не отдастъ, кромѣ того, развѣ, что возьмете саблю; но токмо можетъ быть на-противъ вашей сабли вынетъ другой саблю-жъ, и тутъ еще надобно думать, кому Богъ дастъ и можетъ быть кто между сими останется несчастливъ, тогда уже принужденъ быть одинъ у другаго подъ властію; а вы изволили сказать, что ни къ кому въ пазуху не влезете. Однако-жъ я думаю, что эта Яицкая степь для васъ—такъ, какъ суопутное море съ портами; во первыхъ большой портъ Оренбургъ, а потомъ Яицкій городокъ и вся яицкая линія, до Гурьева городка простирающаяся, также и Астрахань во всѣхъ свѣхъ мѣстахъ можете вы производить торги и получать себѣ немалую чрезъ сіе прибыль, если только тихо и смирно и годъ отъ году будете исправитѣ. Я думаю и изъ тѣхъ мѣстъ, то есть Хивы, Бухары и изъ прочихъ очень желаютъ быть въ близости къ російскимъ границамъ, для своей прибыли; и въ томъ-бы ваше высокостепенство повѣрили мнѣ, яко вѣрному своему слугѣ, что я вамъ подлинно сказываю, ибо мнѣ отъ господина губернатора и товарищей его извѣстно, что о прошедшемъ киргизцами причиненіи вы неизвѣстны и ни малѣйшаго въ томъ на ваше высокостепенство сумнительства не имѣютъ, кромѣ одного только нѣтъ, киргизцевъ, самовольства; а если-бъ мнѣ о вашемъ

къ російской сторонѣ dobroжелательствѣ было неизвѣстно, то по прибытіи въ Кулагинскій форпостъ какъ-бы могъ я задержаннаго въ томъ форпостѣ вашего подвластнаго киргизца Малбая изъ-подъ караула сдѣлать свободнымъ и привести къ вамъ? Однако-жъ и вашему высокостепенству, по должности вашей, тѣхъ легкомысленныхъ и самовольныхъ людей сыскать и за нихъ продержности винныхъ наказать и взятыхъ въ плѣнъ російскихъ людей, и скотъ, и прочее непрежнему возвратити и въ томъ-бы не оставить на себѣ подозрѣнія, ибо ваше высокостепенство возвратомъ сихъ людей не оскудѣете; и несумнѣнно и точно васъ со всѣми вашими старшинами и народомъ увѣряю, что вы будете никогда лишены за сіе Ея Императорскаго Величества мило сердія».

И на то ханъ сказалъ: «очень хорошо. Это правда — мнѣ должно исполнить, только теперь, въ лѣтнее время, никакимъ образомъ дикой мой народъ собрать невозможно; а особливо первой начальникъ и предводитель всѣмъ ситъ дѣламъ, что учинено по Волгѣ и въ прочихъ мѣстахъ, Досали-Солтанъ кочуетъ отъ меня весьма въ дальнемъ разстояніи, да и глазъ ко мнѣ нынѣ не кажетъ и меня не слушаетъ. Однако-жъ писалъ я нынѣ во Рта-Езъ къ брату своему Ирали-Солтану, чтобъ пріѣхалъ ко мнѣ съ нѣсколькими числомъ народомъ для усмиренія сихъ моихъ противниковъ и уповаю, что помощію Божіею ихъ усмирю и повелѣніе Ея Императорскаго Величества исполню; да сверхъ сего писано отъ меня и самому ему, Досали-Солтану, также и сыну его злодѣю, который находился у Пугачева въ толпѣ, что-бъ пріѣхали ко мнѣ и если-жъ онъ самъ ко мнѣ не пріѣдетъ, то я его гдѣ поймаю и убью до смерти. А что касается Яицкой стороны, о томъ я еще имѣю съ тѣми яицкими казаками учинить во Оренбургской губерніи слѣдствіе и посылаю нынѣ во Оренбургъ посланниковъ, нѣкоторыхъ старшинъ и изъ ближнихъ своихъ, а ко двору Ея Императорскаго Величества объ ономъ письмо, ибо мы ихъ форпосты разоряли, какъ выше значить, по повелѣнію, да и они, казаки, немало разграбили у подвластныхъ моихъ людей скота рогатаго и лошадей до нѣскольکو табунѡвъ».

Я, майоръ, еще объявилъ ему о взятыхъ съ Волги російскихъ людяхъ: если его высокостепенство всѣхъ тѣхъ взятыхъ съ Волги російскихъ людей собрать не можетъ, то хотя малое число; на что онъ въ отвѣтъ ничего не сказалъ.

На другой день призвалъ меня ханъ къ себѣ и во первыхъ сказалъ о злодѣѣ Пугачевѣ, что уже де мнѣ о немъ довольно извѣстно и имѣю съ разныхъ мѣстъ теперь объ ономъ письма, что онъ въ Татищевой и Сакмарѣ крѣпостяхъ былъ разбитъ и бѣжалъ съ малымъ числомъ людьми въ Башкирцы; однако-жъ увѣдомился де я нынѣшняго дня отъ подвластныхъ своихъ людей, которые были около Оренбурга и видѣли яко-бы они въ Башкирской сторонѣ великую пыль и спрашивали, — что это за пыль, на что имъ сказано, что де это Пугачевъ съ башкирцами идетъ подъ Оренбургъ.

Подлинное Изображение
Бунтовщика Исаакиевича
Емельки Пугачева

приложение к журналу «РУССКАЯ СТАРИНА» изд. 1890 г.

На то я ему, хану, объявилъ: когда былъ Пугачевъ со всею воровскою силою около города Оренбурга, и доходило до того, что во Оренбургѣ по сту по двадцати рублей былъ пшеничной муки мѣшокъ и тутъ онъ ничего не сдѣлалъ, а нынѣ вамъ извѣстно, что онъ въ разныхъ мѣстахъ былъ разбитъ, да и самъ едва могъ идти въ Башкирцы; а нынѣ, пришедъ съ башкирскою силою, стрѣлами и копьями, Оренбургъ взять не можетъ, ибо тамъ есть регулярныя войски, генералъ князь Голицынъ и генералъ Ферманъ, да и никакъ ему, хану, о семъ вѣрить не можно.

Ханъ на сіе сказалъ: „этому и я не вѣрю: однако дикой и легкомысленной народъ, а особливо согласники его, Пугачева, сему повѣрятъ; да и нынѣ мнѣ изъ пріѣхавшихъ съ вами въ конвоѣ яицкихъ казаковъ двое оба изъ татаръ, одинъ, именемъ Чебдарябъ, сказывалъ здѣсь подвластнымъ моимъ киргизцамъ о бѣглыхъ изъ его, Пугачева, воровской партіи яицкихъ казакахъ, которые де шатаются около рѣки Яику сто человекъ, да на узеньяхъ сто пятьдесятъ человекъ, да еще бѣглыхъ де изъ команды г. генерала Демедона яицкихъ же казаковъ около Мергеневского форпоста пятьдесятъ человекъ и разглашаетъ о немъ, злодѣѣ Пугачевѣ, что де онъ къ нимъ въ маѣ мѣсяцѣ будетъ самъ на Яикъ. Другой, Булатай, разглашалъ у меня-жъ въ аулѣ подвластнымъ моимъ киргизцамъ о Пугачевѣ-жъ, что хотя де Пугачевъ разбитъ, но токмо это у травы посохшій верхъ, а когда не изсохнетъ середина и корень, то въ то время посмотрите. И по сию ихъ рѣчамъ какъ не будутъ сему вѣрить легкомысленной нашъ народъ!“

Однако-жъ, выслушавъ я отъ него, хана, о сихъ бывшихъ при мнѣ въ конвоѣ изъ татаръ яицкихъ казаковъ слова, и содержалъ все въ памяти до прибытія въ Яицкой городокъ, а по прибытіи во оной объявилъ тамошнему г. генералу и тамошнему коменданту; которыхъ и приказали посадить подъ караулъ.

На третій день призвалъ меня ханъ къ себѣ и при немъ былъ только одинъ писарь Абасъ, писалъ письма, гдѣ мнѣ ханъ сказалъ: «вотъ это де пишу тебѣ отвѣтныя письма»; а на то я ему объявилъ, что слышалъ отъ его старшинъ, что присланная отъ Ея Императорскаго Величества грамота писана во первыхъ на его, хана, имя, а потомъ всѣмъ салтанамъ и старшинамъ и всему его народу, а топерь его высокостепенство отвѣтъ пишетъ только отъ себя или отъ всего общества?

Ханъ на то соотвѣтствовалъ, что де ихъ совѣтъ и слова всѣ у него, хана. И такъ я хотѣлъ ему, хану, на сіе объявить о требуемыхъ нашихъ плѣнныхъ російскихъ людяхъ, ибо онъ сказываетъ, что народъ его дикой и легкомысленной и его, хана, не слушаютъ, а о отвѣтныхъ письмахъ объявляетъ, что всѣ ихъ совѣтъ и слова у него и все сіе со общаго согласія, однако-жъ не сказалъ, дабы онъ не пришелъ въ сумнѣніе.

Затѣмъ паки ханъ говорилъ, что «слышалъ де я о Хундровскихъ татаряхъ,

будто-бы между ними есть съ тамошнимъ муллою тяжба»; а на сіе я ему сказалъ, что и о семъ слышалъ, только какое нѣ дѣло—о семъ мнѣ неизвѣстно, и для нѣхъ разбирательства приставленъ къ нимъ майоръ да переводчикъ и можетъ быть дѣло ихъ послѣ насъ кончилось.

Напротивъ чего ханъ спросилъ о Астраханской сторонѣ, что де какія есть извѣстія? Я на то ему объявилъ: слава Богу, все благополучно. — И такъ на сіе ханъ сказалъ, что я отъ него скрываю, ибо де ему извѣстно изъ всѣхъ мѣстъ—и съ Кубанской стороны, какъ пріѣхалъ крымской Герей-Солтанъ на Кубань и о протчемъ въ тамошнихъ сторонахъ и о ихъ намѣреніяхъ.—А на то уже я ему объявилъ: когда былъ онъ, Герей-Солтанъ, прежде со всею своею силою благополученъ и въ то время не могъ съ Россією противиться и оставилъ всѣхъ своихъ людей и всѣ свои мѣста подъ властію російскою, а самъ едва ушелъ въ Царь-Градъ; однако-жъ хотя собралъ онъ малое число пѣшихъ людей и пріѣзжалъ черезъ Черное море, и тутъ разбитъ, а самъ наки бѣжалъ.

Послѣ-жъ сего объявилъ я ему, хану, о плѣнныхъ нашихъ съ Астраханской стороны російскихъ людяхъ, что когда можно ихъ собрать, и поставитель вы сему срокъ, черезъ коликое время сіе окончатъ можно?—На что ханъ соотвѣтствовалъ: «когда мои подвластные киргизцы соберутся въ одно мѣсто». И такъ, сказалъ я ему, что это видно будетъ въ глубокую осень, что и ханъ увѣрилъ и однако-жъ де онъ писалъ и г. губернатору, что-бы отпустить къ нему нѣхъ плѣнныхъ кайсака, также о семъ велѣлъ и мнѣ доложить г. губернатору: егда онъ, г. губернаторъ, тѣхъ киргизцевъ къ нему пришлетъ, то будетъ ему подлинно помощникъ и тѣмъ его, хана, между кайсацкимъ народомъ сдѣлаетъ полномочнымъ, «а о своихъ де російскихъ людяхъ никакого сумнительства не имѣйте, что-бы они были вамъ не отданы, ибо уже въ семъ дѣлѣ останусь должнымъ я, а не вы». А притомъ выговорилъ, что онъ слышалъ, что они, его кайсаки, очень въ худомъ мѣстѣ и скованы содержатся. Я на то соотвѣтствовалъ ему, что о семъ не знаю и гдѣ они—ихъ не видалъ. Съ тѣмъ рѣчи и прекратились.

Сверхъ же сего по данной мнѣ изъ губернской канцеляріи инструкціи велѣно секретно развѣдать, что у кого въ рукахъ наши плѣнные и скотъ, взятые при Волгѣ, состоятъ и въ какомъ онъ, ханъ, состояніи находится; да и для чего онъ, ханъ, съ братомъ своимъ Досали-Солтаномъ имѣетъ ссору и давно-ль оная между ними произошла, да и не имѣетъ-ли онъ, ханъ, съ Пугачевымъ какого согласія? Объ ономъ губернской канцеляріи представленіемъ доношу.

1) О захваченныхъ киргизцами російскихъ людяхъ. Хотя онъ, ханъ, и показываетъ на Досали-Солтана, да на Кара-Батыра, однако-жъ Досали-Солтанъ хотя и Пугачеву былъ согласникъ, точію какъ у него, такъ и у Кара-Батыра взятыхъ въ плѣнъ съ астраханской стороны людей нѣтъ; а увѣ-

домился я тамо отъ плѣнника, персіянина Навруза, да и отъ киргизца Чотана и отъ протчихъ, что въ плѣну наши россійскіе люди у ближнихъ его, хана, людей, а именно Байбактинскаго рода Айдара, Кризова, Эсенбаева, слишкомъ съ двѣсти душъ, а протчіе у Вершева рода Курбанъ-Бая да у Кердаринскаго рода Жоланъ-Батыра.

2) О ссорѣ его, хана, съ братомъ своимъ Досали-Солтаномъ; то видно, что прежде оной между ними не было, а началась съ самаго того времени, какъ появился Пугачевъ. Однако-жъ и сынъ его, Досали-Солтана, находился у злодѣя въ толпѣ не безъ согласія ханскаго, ибо онъ, ханъ, сказалъ Досали-Солтану, что если будетъ Пугачевъ несчастливъ, то ему, хану, объ немъ легко можно упросить; а если быть ему, хану, у него, то Досали объ немъ, ханѣ, никакъ упросить не можетъ.

3) О состояніи его, хана, и о согласіи съ Пугачевымъ,—то объ ономъ также видно, что онъ, ханъ, согласіе съ нимъ, Пугачевымъ, имѣлъ, ибо я увѣдомился въ Кулагинскомъ форпостѣ, чрезъ яицкаго казака Семіона Болдырева, который знаетъ татарскій разговоръ, что чрезъ него послано было отъ Пугачева къ хану письмо, которое онъ, ханъ, при немъ и прочелъ и во оборотъ на то къ нему, Пугачеву, прислалъ съ нимъ-же, Семіономъ, письмо, которое онъ по прибытіи Пугачеву отдалъ и Пугачевъ, оное распечатавъ, прочелъ и видитъ, что ханъ новелѣнія его не исполнилъ и все обманываетъ, и при томъ сказалъ, что «если я возвращусь назадъ, то веду его, хана, повѣсить за ребра». Гдѣ я того казака и еще спросилъ, что для чего Пугачевъ такъ крѣпко на хана осердился, на что онъ мнѣ сказалъ, что де «требовалъ онъ, Пугачевъ, отъ него, хана, помощи и хотѣлъ ѣхать въ Татищеву крѣпость, а онъ, ханъ, ему не прислалъ». А предъ симъ де онъ, ханъ, подарилъ ему, Пугачеву, двухъ самыхъ хорошихъ лошадей.

4) О состояніи его, хана, и въ какихъ онъ точно мысляхъ,—о семъ подлинно доказую, что ханъ имѣетъ съ кубанской или съ турецкой стороны письмо, либо извѣстіе, ибо онъ, какъ выше писано, и самъ мнѣ сказывалъ, что онъ имѣетъ изъ всѣхъ мѣстъ извѣстія. Въ такомъ случаѣ онъ, ханъ, нашихъ плѣнныхъ киргизцами россійскихъ людей и не отдаетъ, а ожидаетъ, что въ тѣхъ мѣстахъ откроется.

А находились мы при ханѣ четыре дни, а въ пятый, то есть мая 16 дня, подъ вечеръ, призвалъ насъ ханъ къ себѣ и отдалъ мнѣ отвѣтныя письма, причѣмъ подарилъ меня лошадью, а бывшему при мнѣ ученику далъ трехрублевый червонецъ и опредѣлилъ намъ въ препровожденіе сына своего роднаго, Бекъ-Али-Солтана, до Яицкаго городка. И отправилъ и доѣхалъ его ханскій сынъ только до Айчувакъ-Солтанова аула, который разстояніемъ былъ отъ него, хана, въ тридцати верстахъ, гдѣ встрѣтился намъ посланный отъ хана въ Яицкой городокъ посланникъ Яышибай; и тутъ ханскій сынъ насъ и съ собою остановилъ до прибытія отъ отца его на то, присланное черезъ

Янкъ изъ Оренбурга, письмо извѣстія. Однако-жъ на другой день прислано къ нему отъ отца его письмо, чтобъ возвратился назадъ, который пришедъ намъ сказалъ, что отецъ его требуетъ къ себѣ и съ тѣмъ поѣхалъ. Гдѣ и ожидали мы его два дни у тамошнихъ хундровцевъ въ аулѣ. И между тѣмъ увѣдомился я отъ тамошнихъ хундровскихъ татаръ, также и кайсацкихъ старшинъ, которые меня очень прилежно спрашивали о здѣшнихъ астраханскихъ кондровцахъ, что де «гдѣ они кочуютъ и какая у нихъ съ муллою тяжба, да и правда ли, что яко-бы запрещено ихъ пускать на сую сторону рѣки Волги?» На что я имъ сказалъ, что правда, это только было сдѣлано для нихъ въ пылѣшнюю зиму, ибо они, кайсаки, хотя и считаютъ себя магометанцами, однако-жъ ни русскихъ, ни магометанцевъ не оставляютъ, а всѣхъ грабятъ, то для того не только имъ, но и русскимъ людямъ всѣмъ велѣно было отъ нихъ предостерегаться; въ такомъ случаѣ и ихъ не велѣно было, для опасенія, пускать на сую сторону рѣки Волги, а нынѣ, слава Богу, всѣ они кочуютъ по сую сторону, на степѣ и съ своимъ скотомъ.

Послѣ-жъ сего на третій день ханъ прислалъ къ намъ въ препровожденіе пріѣхавшаго изъ Яика съ письмомъ киргизца Якшибая и велѣлъ ему, чтобъ сказано было мнѣ, что онъ, ханъ, изъ Оренбурга черезъ Янкъ получилъ благополучное извѣстіе и имѣетъ нѣкоторое поведѣніе и «намѣренъ во Оренбургъ послать сына того, который былъ съ вами, а его де прислалъ къ вамъ быть проводникомъ до Яицкаго городка съ тремя киргизцами», съ которыми я былъ бѣжать весьма опасенъ; однако-жъ ханъ никого кромѣ сего киргизца не прислалъ, почему уже принужденнымъ я нашелся ѣхать съ нимъ. А какъ видно, узнавъ о семъ его легкомысленной народъ, что онъ, ханъ, сына своего отъ меня возвратилъ, и не выѣхалъ я отъ ханскаго аула болѣе ста пятидесяти верстъ, то начали появляться воровскія киргизскія партіи. Во первыхъ въ передѣ увидя казаки и ханской киргизецъ начали дѣлать намъ маякъ, къ которому мы и поѣхали съ поспѣшеніемъ и по прибытіи увидали впереди пыль, а послѣ-жъ сего оставшіе отъ насъ неподалеку казаки увидя еще около себя киргизцевъ три партіи и полагали быть въ нихъ около 20 человекъ, что увидя оное и поѣхали къ намъ гораздо поспѣшнѣе, за которыми тѣ киргизцы и гнались, однако-жъ поворотили отъ нихъ на лѣвую сторону, а казаки пріѣхавъ о семъ мнѣ сказали, а одинъ де изъ донскихъ казаковъ остался позади. А время было уже весьма при вечерѣ, гдѣ мы принуждены были ночевать и ждавъ того казака, не дождался. И точно узнавъ, что тѣ воровскія киргизскія партіи отъ насъ неподалеку. И такъ, принявъ въ ту ночь предосторожность, приказалъ я командѣ своей, казакамъ, что-бъ ни одинъ не спалъ и каждый былъ въ готовности. И такъ переночевавъ тутъ, на разсвѣтѣ появился неподалеку отъ насъ, на бугрѣ, человекъ, къ которому и послалъ я казаковъ три человекъ, уводя, что не

нашъ-ли оставшей донской казакъ, а за ними послалъ еще и киргизца Якишибая, который доѣхавъ до тѣхъ, посланныхъ отъ меня, казаковъ, и увидалъ того человѣка, и сказалъ имъ, что де это не казакъ, а киргизецъ и тутъ вскричалъ ему по татарски, чтобъ онъ пріѣхалъ къ нему ничего не опасаясь, ибо де онъ отъ Нурали-хана посланникъ, но однако-жъ тотъ киргизецъ смотрѣлъ весьма долго и хотѣлъ было поворотить прочь, точію уже казаки подѣхали къ нему близко; и такъ видя онъ, что ему уйти будетъ невозможно, принужденъ уже сдѣлался къ нимъ подѣхаты, котораго они взявъ, привезли ко мнѣ, гдѣ я его спросилъ: что онъ за человѣкъ и зачѣмъ тутъ ѣздитъ, который объявилъ, что онъ киргизецъ байбактинскаго роду, а ѣздитъ для отысканія пропавшихъ своихъ коней и есть де у него еще на кошу товарищи, во первыхъ сказалъ пять человѣкъ, а потомъ четыре. Однако-жъ послалъ я на тотъ ихъ кошъ казаковъ десять человѣкъ да киргизца Якишибая и велѣлъ какъ невозможно ихъ переловить. Точію посланные отъ меня казаки, по прибытіи на тотъ ихъ кошъ, поймали только двухъ человѣкъ да десять лошадей, а одинъ изъ нихъ бѣжалъ, а тѣхъ двухъ киргизцевъ привезли ко мнѣ и потомъ объявили, что на томъ ихъ кошу много экипажу, кошемъ, сѣдель и протчево; однако-жъ ничего тѣ казаки не взяли. Гдѣ уже я и тѣхъ двухъ киргизцевъ спросилъ: «что они за люди и для чего здѣсь ѣздятъ?» которые также объявили, что они киргизцы байбактинскаго рода; на что я имъ еще сказалъ, что много-ль ихъ человѣкъ, которые объявили, что ихъ девять человѣкъ, на что я имъ во отвѣтъ сказалъ: «хотя-бъ васъ девять или десять человѣкъ, да для чего-жъ у васъ на кошу такъ много экипажу, сѣдель, кошемъ и протчево. да и сами мы вечеръ видѣли, что васъ было человѣкъ съ двадцать; да гдѣ-жъ нашъ казакъ?» На что они объявили, что «де мы казака вашего не выдали да и у нихъ нѣтъ; развѣ де, что вы говорите видѣли вечеръ съ двадцать человѣкъ и можетъ быть не у нихъ-ли, ибо мы ихъ и сами видѣли, только они не наши товарищи, а наши де товарищи уѣхали для воровства къ Янку».

И такъ, взявъ я ихъ всѣхъ трехъ человѣкъ и поѣхалъ къ Янку; и доѣхали мы около полдень до воды, гдѣ надлежало кормить лошадей, остановились; то пришедъ къ намъ ханскій подданный, киргизецъ Якишибай, и сообщаетъ мнѣ, что-бъ одного изъ тѣхъ киргизцевъ отпустить для отысканія того казака, на что я согласясь и давъ ему изъ тѣхъ ихъ киргизскихъ десяти лошадей одну лошадь, его и отпустилъ прямо къ хану, а самъ съ тѣми двумя киргизцами и съ бывшею при мнѣ командою прибылъ въ Яницкій городокъ благополучно и по прибытіи тѣхъ двухъ киргизцевъ, съ ихъ девятью лошадьми и со всѣмъ экипажемъ, представилъ г. генералъ-маіору и кавалеру Павлу Дмитріевичу Мансурову при репортѣ, а онъ, г. генералъ, наслалъ тамошнему коменданту о принятіи тѣхъ киргизцевъ, съ ихъ девятью лошадьми, двумя ружьями и одною саблею и экипажемъ, ордеръ, а мнѣ при-

казалъ нѣсколько день пообождать для нѣкоторой опасности, ибо де онъ послалъ на здѣшнюю стѣнь драгунскаго майора и яицкаго старшину Мартеньяна съ командою для сысканія ставропольскихъ калмыкъ и другихъ бѣглыхъ изъ пугачевой партіи яицкихъ казаковъ, гдѣ и ожидалъ я три дни, а на четвертый посланная отъ него, господина генерала, команда возвратилась и немалое число изъ тѣхъ шатающихся ставропольскихъ калмыкъ съ женами и съ дѣтьми захватили и привезли въ Яицкій городокъ; конхъ онъ, г. генералъ, и отдавалъ всѣмъ тамо офицерамъ, а между тѣмъ отдалъ и мнѣ двоихъ—одного мальчика да дѣвку.

А послѣ-жъ того, въ седьмой день, черезъ ханское стараніе, привезли киргизцы Хажми-Бая и Макельди захваченнаго отъ меня донскаго казака, котораго я взявъ и увидѣлъ, что онъ раненъ и нѣкоторыя у него вещи распропала, за что и взялъ я отъ того киргизца Хажми-Бая лошадь и отдалъ тому казаку; а вмѣсто его захваченныхъ двухъ киргизцевъ приказали, какъ господинъ генералъ, такъ и комендантъ, съ одною лошадью отпустить.

А въ бытность мою въ Яицкомъ городкѣ разбили киргизцы Каленовскія форпостъ и отогнали до 300 скотинъ и табуновъ, а потомъ я Каршу форпостъ-же и взяли въ плѣнъ мужеска и женска полу до 30 человекъ.

Потомъ онъ, г. генералъ-майоръ и ковалеръ Мансуровъ, мѣя 31, давъ подорожную и въ конвой яицкихъ казаковъ 24 человекъ, по сей сторонѣ рѣки Яицы, черезъ форпосты, меня и отправилъ; и повѣхалъ и съ тою командою чрезъ форпосты въ Астрахань. А по прибытіи въ Калмыковскія форпостъ, взявъ тутъ, выбѣгшихъ изъ киргизъ-кайсацкаго племени, калмыцкую женку съ сыномъ, князя Дундукова владѣнія, да одного персіянина, по самовольному ихъ желанію, съ собою-жъ и отправился въ Астрахань. А по прибытіи въ Красныя Яръ взятыхъ мною изъ онаго по повелѣнію изъ гувернской канцеляріи 3-хъ подводныхъ лошадей, которыхъ я ему, г. красновскому коменданту при репортѣ со всѣмъ приборомъ и отдалъ. А потомъ онъ, г. комендантъ, отправилъ насъ до Астрахани. Прибыли мы въ Астрахань іюня 16 дня благополучно.

Да сверхъ-же сего привез(енными)шими донскаго казака киргизцами Хажми-Баемъ и Мылкаемъ показано, что де послѣ ихъ отъѣзда, собравъ ханъ къ себѣ солтановъ и старшинъ, сказалъ имъ, что «уже де немало вы раззорили русскіихъ жительствовъ и брали въ плѣнъ людей, однако-жъ если вы хотите кочевать по сей Яицкой рѣкѣ и степѣ, то отъ сего каждыя подвѣстныхъ своихъ кайсакъ предудержите и виновныхъ за ихъ злоупотребленія накажите; а если хотите, сію Яицкую стѣнь оставя, куда-либо идти на другое мѣсто,—въ томъ какъ хотите».

Да сверхъ сего дополняя, что прибыло въ препровожденіи меня въ Астрахань посланныхъ отъ г. генералъ-майора и ковалера Мансурова яицкихъ казаковъ восемь человекъ, въ томъ числѣ одинъ хорунжий Тимофей Набатовъ;

да кромѣ-жъ ихъ еще состоитъ оставленныхъ близъ Краснаго Яру, для пастьбы собственныя ихъ лошадей, яицкихъ-же казаковъ шестнадцать человекъ, коней и требуетъ объ отправленіи попрежнему на Янкъ революціи.

О чемъ астраханской губернской канцеляріи симъ покорнѣйше и репортую. А что изъ выданныхъ имъ изъ губернской канцеляріи денегъ шестидесяти рублей въ расходъ употреблено и затѣмъ въ остаткѣ, — при семъ прилагаю реэстръ. Мирзабекъ Вагановъ.

Іюня 25 дня 1774 года.

Реэстръ,—сколько издержано мною, будучи въ пути отъ губернской канцеляріи въ Киргизъ-Кайсацкому Нурали-хану, изъ выданныхъ изъ оной канцеляріи денегъ 60 рублей:

Два сафьяна желтыхъ .	2 р. — к.	} Оное все употреблено въ подарки.
Сапоги желтые сафьянные-жъ	1 » 15 »	
Подзорная трубка	1 » 80 »	
Пороховой рогъ .	1 » — »	
Зеркаль пять .	— » 50 »	
Наперстковъ мѣдныхъ 34	— » 75 »	} Для собственного своего продовольствія.
Табаку папушнаго и мелкаго на .	1 » 30 »	
Чаю и съ сахаромъ .	1 » 80 »	
Пшени акулинскаго 1 пудъ	1 » 60 »	
Сухарей и кренделей пшеничныхъ .	1 » 30 »	
Корицы, инбирю, луку, мяса и рыбы да уксусу и два боченка	2 » 29 »	
Вина одно ведро	3 » — »	
Да въ бытность мою въ Яицкомъ городѣ издержано денегъ на харчъ и прочее	2 » 25 »	
Да посланникамъ, вмѣсто потерянной ихъ узды, куплена и отдана таковая-жъ, цѣна .	— » 20 »	
На содержаніе ученика Маслова, какъ то: на покупку верхней и нижней одежды, равно и обуви употреблено	. 10 » — »	

Итого въ расходѣ . . 31 р. 12 к.

А затѣмъ въ остаткѣ . 28 » 88 »

Мирзабекъ Вагановъ.

Сообщ. В. Снѣжниковскій.